

ОБ І И Ä - ЯЗЫКАХ ДРЕВНЕГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Р. Г. Ахметьянов (Казань)

I. В татарском и башкирском языках, как правило, общетюркскому е (э) в первом слове исконных слов соответствует *i*. В то же время есть значительное количество слов (во всех диалектах и говорах), в которых общетюркск. е отражается как *ä*. Имеются также случаи, когда в татарском и башкирском языках есть оба варианта одних и тех же слов, один из которых считается литературным (и по этому параметру татарский и башкирский литературные языки иногда различаются).

Позиционного чередования *a : i*, как и переходов *ä > i* или *i > ä*, в указанных языках нет и не было. Невозможно указать ни лингвистическую (т.е. внутриязыковую), ни экстралингвистическую причину, которая привела бы к переходу *ä > i* в Поволжье. Кроме того, случаи сохранения *ä* распределены на всей территории распространения татарского и башкирского языков равномерно, т.е. нет диалекта или говора (за исключением барабинского см. ниже), в котором *ä* встречался бы с особой частотой. Если бы *ä > i* осуществился в Поволжье, чувствовался бы эпицентр его распространения (как, например, угадываются эпицентр переходов *ä > a*, *u > u* и пр., см. ниже), ибо инновация в фонетике возникает сначала в небольшой области. Всё это говорит о том, что появление звуков *i* и *ä* в татарском языке относится к древности и может быть объяснено только в общетюркском плане.

Звук *ä* (э) на месте общекыпчакск. и, можно сказать, общетюркск. е имеется в карлукских (уйгурский, узбекские диалекты), огузских (азербайджанский, гагаузский, туркменский, турецкий диалекты) языках и (кроме татарского и баш-

кирского), в нерегулярном порядке, в ряде кыпчакских языков (караимский, казахский, ногайский и пр.). В конечном счёте татаро-башкирский *ä*, конечно, связан с карлуцким или огузским *ä*, но эта связь осуществилась через промежуточные звенья. Вся совокупность языковых и исторических данных говорит о том, что большинство татаро-башкирских *ä* - случаев непосредственно восходит к тому же источнику, откуда происходит горномарийские (куржк - мари)

ä - слова (заимствования из тюркских языков) и соответствующие им луговомарийские (улык-мари) *a* - основы, а также множество чувашских слов, у которых *a* в первом слоге восходит к древнему *ä* (см. ниже).

Звук *i* на месте общетюркского *e* в первом слоге (сопровождаемый, как и в кыпчакских языках Среднего Поволжья, переходом общетюркского *i* в *i*) наблюдается еще в хакасском языке. Спорадически отдельные (или групповые) примеры переходов *e* > *i* или *i* > *i* встречаются в казахском, караимском, кумыкском, а также в якутском и тувинском языках. Но переходы *e* > *i* // *i* *ı* являются цельными и тотальными (выявляющимися в наиболее устойчивой и наиболее употребительной части словаря в сплошном порядке) именно в татарском, башкирском и хакасском языках, см. таблицу I.

<u>Общетюрк.</u>	<u>~ хакас.</u>	<u>~ тат.баш.</u>	<u>~ чув.</u> (и мар.л.)
eg - "гнуть"	~1- id. (igir "гнутый"	~1-	~ av id.
ege-, jege- "пилить, под- пиливать"	~ ige-	~ iga-	~ jaga-t- id.
ek- "сеять, пахать"	~ ik-	~ ik-	~ ak- пахать", сеять"
*el-, eñ- "гребать, гре- сти, сгребать"	~ is-	~ iñ-	~ añ-
elge- "просеять"	~ ile-	~ ilä-	~ alla- id.
elgek "сито"	~ ilek	~ iläk	~ ala id.
ellig "пятьдесят"	~ ilig	~ illi	~ allä id.
em "лекарство, снадобье"	~ im	~ im	~ *am:
emgek "болезнь"	~ imneg "лечение"	~ imgäk "беда"	~ amak "недуг"
emgen- "увечиться"	~ imnen "лечиться"	~ imgän "увечиться"	~ aman- "увечить- ся"
er- "спускаться"	~ ir	~ in-, ir-	~ an- id.
eniñ "спуск"	inñ "спуск, склон"	inñ "речка"	~ anñ, "закат"
er "муж, герой"	~ ir	~ ir	~ ar id.
eñik "двери"	~ isik	~ iñik	~ aläk id.
et- "делать, содеять"	~ it-	~ it-	~ at- id.
etek "подол"	~ itek	~ itäk	~ aräk / / *adäk/id.
kejik "дичь"	~ kiik	~ kijik	~ kajak id.
kendir "конопля"	~ kindir	~ kindir	~ kandar id.
kes- "резать"	~ kis-	~ kis-	~ kas- id.

кәв-	~ kīa-	~ kič-	~ kas'- id.
"переходить"			
+je	~ niβ	~ zin	~ san id.
"шуга, лед"			
oeten	~ siden	~ čitän	~ s'atan id.
"тыл"			
semir-	~ simir-	~ simir	~ samär- id.
"жиреть"			
te	~ tiβ	~ tiβ	~ tan, tar id.
"равный"			
ter	~ tir	~ tir	~ tar id.
"пот"			

Эти ясные соответствия не были до сих пор предметом особого внимания (и, видимо, считались случайными совпадениями) потому, что имеются множество затемняющих моментов, к которым в лексикологическом плане относятся следующие.

1. Имеется много татарско-башкирских *i*-слов, не зафиксированных в словарях хакасского языка (в чувашском им соответствуют как *a*-слова, например, тат. *ia* "память", *itik* "сапог", *igär* "гончая" ~ чув. *av*, *adä*, *agär* id. id. так и *i*-слова, например, тат. *imän*-, чув. *imen*- "стесняться", "побаиваться", тат. и чув. *kičir* "морковь", *tilir* "беситься" и т.п.).

2. В татарском и башкирском (как сказано выше) имеется ряд слов, в которых вместо ожидаемого *i* в первом слогое выступает *ä*, например, общетюрк. *evür*-, *egür*- "вращать", "крутить" ~ хакас. *ibir*- но в тат. *ävür*- ~ чув. *avär*- id.; общетюрк. *teyrä* "бог, небо" ~ хакас. *tigir* id., но в тат. *täyrä*, чув. *torä*, *turä* id.; хакас. *ipčī* "женщина", но в тат. *ipčī* "старуха, знахарь" и т.п. Кроме то-

го, в татарском и башкирском языках имеется большое количество слов, у которых *ä* в первом слоге восходит либо к общетюркскому *a* (т.е. наблюдается *a > ä*, например, общекыпчакск. *aɣt-*, *aɣt-* "сказать", *baɣram* "праздник", *jaɣ*, *ɟaɣ* "лето", *jaɣ* "молодой", *ɟaɣ* "сеять, брыгать" >> тат. *äɣt-*, *baɣram*, *ɟaɣ*, *jaɣ*, *ɟäɣ* - *id. id.*), либо к арабско-персидскому *ä* (см. тат. *aɣar* "если", *gär* "разговор", заимствованные из персидского, и *äjbät* "хороший", "великолепный", *äñäm* "привет", *xäl* "сила" — из арабского).

3. Несколько *i*-слов вообще забыты в татарском (и башкирском) и продолжают существовать только в хакасском, чувашском (либо марийском) языках, см. хакас. и чув. *ilbek* "обилие", *irt-* "проходить", *tim* "готовность, усердие" (татарск. *dim* имеет несколько другое значение "уговоры, дрессировка", и оно, судя по начальному *d-*, непосредственно восходит к монгольскому *dem* "призыв", "мобилизация", "дрессировка лошади"); хакас. *kip* "рубашка", "одежда" и чув. *kipke* "рубаха"; хакас. *imñek* "дикий, необъезженный" (о лошади) и мар. *imne* "лошадь"¹ и др.

Несомненно, из *i*-языка заимствовано мар. и чув. *ir* (др. тюрк. *er, är*) "утро", не сохранившееся ни в хакасском, ни в татарском или башкирском языках (в них и вообще в кыпчакских языках сохранился лишь дериват *irte, erte* "утром").

4. Имеются случаи "ложного", т.е. собственно, не относящегося к нашей теме появления *i* в первом слоге в чувашском и марийском, а также в татарском языках, которые могут смущать исследователей, см. чув. *il-* "брат" — из др. чув. **ujl-*, **ajl-* < общетюрк. *al-*, *äl-* "брат"; чув., мар. *ir*, *ire* "чистый" (см. еще чув. *iräir* *irä-* *er* "безобразный, нечистый", *irt-* < *irät-* "очищать", *irnä-* < *irän-* "очищаться") от чув. *ujr*, *ujrä* ~ общекыпчакск. *aru* ~ др. тюркск.

агу "чистый") и т.п.

Эти "затемняющие" моменты, однако, при правильной интерпретации не столько затемняют, сколько поясняют. Так, наличие реликтов в трех столь отличающихся ныне языковых ареалах (хакасско-южносибирском, татарско-башкирском и чувашско-марийском) говорит о том, что объективно существовал некий особый *i*-язык. Наличие мощного пласта новых разнохарактерных наслоений в татарском и башкирском языках при сохранении некоторых дистинктивных лексических изоглосс в хакасском и чувашском (в хакасском и марийском) языках говорит о древности этого *i*-языка в Среднем Поволжье. Выясняется также то, что больше всего слов с *i* в первом слоге на месте общетюрк. *e* сохранился в татарском и башкирском языках. Этот вывод подтверждается и тем, что много татарско-башкирско-хакасских *i*-слов не имеет параллелей в чувашском, например, тат. башк. хакас. *i*β "самый", *i*βin "губа", *i*lik "косуля", *i*t "мясо" и т.п.

Следует упомянуть еще один курьезный момент: иногда хакасский и чувашский примеры как бы противопоставлены татарским, см. общекыпчак. *kegek* ~ хакас. и чув. *kiɣek* ~ тат. *kiɣak* "нужно", "надобность, хоть"; общекыпчакск. *kenet* ~ хакас. и чув. *kinet* ~ тат. *kinät* "вдруг", т.е. создается впечатление, что чувашский язык сохранил во втором слоге исходный *e*. В действительности, в огромном большинстве подобных случаев чувашский *e* — не продолжение хакасского и общетюркского *e*, а получается при заимствовании татарских слов (тат. *ä* > чув. *e*).

Наконец, некоторые слова с *i* < *e* в первом слоге встречаются во всех тюркских языках, в которых они вообще могут иметь место: см. хакас., тат., башк., чув. *kil-* "приходить, прибывать", *timir* "железо", *tiri* "шкура" ~ общетюрк.

keD, temir, teri id. id.

5. Для дальнейшего анализа прежде всего выясним, откуда получается чувашский велярный звук а, если его общетюркские соответствия (е, ä) — переднеязычные.

Большинство чувашских а - случаев (вообще случаев веляризации) на месте общетюрк. е, а (и прочих палатальных звуков) имеет прямые а - (и прочие велярные) соответствия в луговом диалекте марийского языка (называемом также лугово-марийским языком, улык - мари). Чувашско-лугово-марийский а - (вообще - велярной огласовки) словам в горном диалекте марийского (горномарийском языке, курьк - мари) соответствуют ä (палатальной огласовки) слова (независимо от происхождения), см. таблицу 2.

Тат. башк.	Чув. и мар.	Мар. Г.	Источник
äwwäl "прежде"	awal	äwäl id.	араб. äwwäl
-	avät- "петь"	ävít	др. тюрк. ät- id.
-	avtan "петух"	äptän id.	*avít-äkän
ärjā "ящик"	arča, arja	ärjā id.	булг.
väki "прорубь"	vagā, vakā	vākí id.	*ärjā др. тюрк. vki id.
-	vadā "старый"	vätí id.	др. тюрк.
šara "голый"	s'ara, šara	šara, šarā id.	др. тюрк. šere
tir "пот"	tar "плата за труд"	tār	др. тюрк. ter id.

Уже из приведенных данных хорошо видно, что, во-первых, татарский и горномарийский $\ddot{a}$ является в отношении чувашского и луговомарийского a явно первичными, во-вторых, луговомарийская и чувашская веляризация $\ddot{a} > a$, несомненно, осуществилась в одной и той же этноязыковой среде (это доказывается многими языковыми и внеязыковыми факторами), в-третьих, в более позднее время (XIX—XX века) при заимствованиях из татарского в чувашский наблюдается, как правило, переход $\ddot{a} > e$, а не $\ddot{a} > a$. Следовательно, явление перехода $\ddot{a} > a$ в чувашском и луговомарийском имело не только узколокальный характер, но и определенные временные границы. Между тем, луговые марийцы и чувашаи успели, без признаков изменения фонетики своего языка, расселиться уже к началу XVIII в. (когда осуществилась твердая фиксация мест их обитания) на огромные пространства Приуралья, выходя на Западную Сибирь. Историки и этнографы начало переселения чувашей и марийцев на Восток до Урала относят к XV веку². Тесное хозяйственное общение при слабости влияния других этносов (а без этого невозможно представить себе столь многоаспектное переплетение языковых особенностей, которое имеет место) чувашей и марийцев могло осуществляться лишь до усиления Казанского государства, и, тем более, русской колонизации. Переход $\ddot{a} > a$ осуществился, по всей вероятности, не позже XV века, а конкретным местом этого процесса можно назвать сравнительно изолированную городскую область Веда Суар (вероятно, от древнемарийского *ude Suar "Новый Сувар", ср. мар. и мордовск. ud, od "новый"), существовавшую до XIV—XV веков в Северной Чувашии³. Древнерусское и мордовское название чувашей vede, ved'ke, vede ne⁴, без сомнения, происходит от названия города Vede Suar.

Соответствие $i \sim \ddot{a}/a$ отражается также в гидрониме - тат. *Jäfil* ~ чув. *Adäl* < *Ädäl*, др. тюрк. *Etil*, *Jtil* "Волга". Если наиболее древние (у византийских авторов с VI в.) написания *Atel* говорят о $\ddot{a}/a$ - варианте, то с IX—X вв. в арабских источниках появляется *Jtil*. М.Р. Федотов, анализируя эти данные⁵, утверждает, что переход $\ddot{a} > a$ будто бы совершился еще в древнетюркские времена и приводит в доказательство чув. *vakkär* ~ оары-уйг. *vaquv* ~ якут. *aquv* < общетюрк. *sekiz*, *säkkiz* "восемь". Но общетюрк. a в чув. дает $o > u$: чув. *torä*, *turä* << караим. *taru* туркм. *taru* ~ общетюркск. *tegrü*, *teperi*, *teliri* "небо, бог". Все остальные (якутские и некоторые другие, немногочисленные в целом) случаи веляризации не совпадают в конкретных примерах с чувашско-луговомарийскими $\ddot{a} > a, u > u$, $i > ä$ и пр. Кроме того, чувашская веляризация наблюдается в ряде арабско-персидских заимствований: араб. *äwwal* >> чув. *aval* "прежде", араб. *älam* >> чув. *elam* "привет", араб. *äkal* "схема, образ", >> чув. *äkal* - аффикс со значением "подобно" и т.п., которых в древности не могло быть. Очевидно, что случаи веляризации в некоторых тюркских языках (больше всего в якутском и тувинском) с чувашско-марийской веляризацией никак не связаны.

Если наличие $\ddot{a}$ и a вариантов не привело к появлению (образованию) этимологических дублетов (т.е. слов с различной семантикой), значит $\ddot{a}$ и a -языки в Поволжье находились в состоянии взаимной корреляции. Отталкиваясь друг от друга, носители этих языков отчетливо сознавали: "там, где у них $\ddot{a}$, у нас должен звучать a и наоборот". В таком состоянии находятся луговомарийский и горномарийский диалекты, а не тюркские языки.

Ясно также, что переход $\ddot{a} > a$ и вообще веляризация ряда основ (затронувший около половины переднерядных основ тюркского происхождения в чувашском языке)⁶ наложилась на общесредневожский вокализм, т.е. на язык, в котором уже давно осуществились переходы $e > i // i > \ddot{i}$ и $\ddot{u} > u // u > \ddot{u}$, а также $\ddot{u}, u > u\ddot{o} > i\ddot{w}\ddot{a}$, см. чув. $\ddot{a}\ddot{s}\ddot{a}n$ "греться", $\ddot{a}\ddot{s}\ddot{a}t$ - "греть" ~ тат. диал. $\ddot{i}\ddot{w}\ddot{i}n$ - "греться", $\ddot{i}\ddot{w}\ddot{i}t$ - "греть" << общетюрк. $i\ddot{s}\ddot{i}n$ -, $i\ddot{s}\ddot{i}t$ -, чув. $k\ddot{a}\ddot{s}$ (куш) ~ тат. $k\ddot{i}\ddot{s}$ < общетюрк. $k\ddot{i}\ddot{s}$ "соболь"; чув. $k\ddot{a}\ddot{r}\ddot{w}\ddot{a}k$ (көрвәк) ~ тат. $k\ddot{e}\ddot{r}\ddot{w}\ddot{a}k$ < общекыпчак. $k\ddot{i}\ddot{r}\ddot{w}\ddot{e}k$ "рыхлый"; чув. $k\ddot{u}n$ -, $k\ddot{o}n$ - "соглашаться, разгибаться", $k\ddot{u}r$ - "видеть", $k\ddot{u}w$ - "переходить" ~ тат. $k\ddot{u}n$ -, $k\ddot{u}r$ -, $k\ddot{u}\ddot{o}$ << общетюрк. $k\ddot{u}n$ -, $k\ddot{u}r$ -, $k\ddot{u}\ddot{o}$ id. id. ; чув. $v\ddot{a}t$ "желчь" < * $\ddot{i}\ddot{w}\ddot{a}t$ < * $\ddot{u}\ddot{w}\ddot{t}$ < общетюрк. $\ddot{u}t$ id. и т.п. Единичные примеры типа $k\ddot{u}l$ - "смеяться" (~ тат. $k\ddot{e}l$ - id.) ~ общетюрк. $k\ddot{u}l$; $k\ddot{u}n$ "день" ~ общетюрк. $k\ddot{u}n$ id. могли получаться не прямо из общетюрк. звучаний, а путем опрошения дифтонгоида $\ddot{u}\ddot{w} > u$. Нет случаев $\ddot{u} > o$ и $i > u$: очевидно, ко времени веляризации общетюрк. $\ddot{u}$ и i в чувашском уже не было. Таким образом, становится ясно, что переход $\ddot{a} > a$ в шкале относительной хронологии довольно позднее явление. И это позднее явление осуществилось уже в XIV-XV вв., если не раньше. Воистину странно, когда пишут, что будто бы переломление гласных в тюркских языках Поволжья осуществилось только в XVI-XVII веках!

6. Итак, горномарийский, древнечувашский и татаро-башкирский $\ddot{a}$, выступающий в большем количестве общих примеров, несомненно, восходит к единому источнику. С другой стороны, нет сомнения и в том, что татаро-башкирский и хакасский i (на месте общетюрк. e ~ древнечувашск. и горномарийск. a) также распространился из одного древнего язык-

ка. Следовательно, в Среднем Поволжье некогда существовали два тюркских языка: *ä* - язык и *i* - язык. Татарский язык, в целом восходящий к *i*- языку, унаследовал также ряд слов и из *a* - языка. Чувашский же, являясь (по крайней мере в области вокализма) продолжением *ä* - языка, включил в состав своей лексики много слов из *i* - языка.

Для уточнения пространственных и временных координат этих языков у нас, кроме фактов современных языков, почти нет других данных. Поэтому надо исследовать наличный языковой материал в таких аспектах, которые могли бы давать новую информацию. В частности, интересные выводы получаются при внимательном исследовании *ä*- и *i* - вариантов одних и тех же слов в татарском и башкирском языках (см. таблицу):

	др.тюрк. общетюрк.	~ хакас.	~ тат.-башк.	~ чув.	~ мар.Л. (а) мар.Г. (ä)
1.	*evir- eg "охвостье при веянии"	-	~ irä: ävrä	~ avra	~ arva, ärvä id.
2.	ene "мать"	~ ine "мать"	~ inä: änä	~ anna id.	-
	ene-j	~ inej "мама"	~ inäj: änäj id.	-	-
3.	eväk "хлеб"	~ irek "хлеб"	~ ipi: äpäj -äpät	~ äpät	"хлеб, еда" -
4.	erlen "суслик"	~ -	~ irlän: ärlän	~ arlan	~ arlan, ärlän id.
5.	*bešmen "безмень, мера"	~ -	~ bizmän: bäsman	~ päsmän	~ päsmän id.
6.	beg "хозяин; вассал"	~ pig	~ bi, bik: bäk	~ pü id.	-
7.	berk "крепко, очень"	~ rok bik:	~ bäkid ~ rak "быстрень- ко"		~ bek, bäk "очень"

8. eger "ОХОТНИЧЬЯ СОБАКА"	~ -	~ igär:ägär	~ egar id.	~ -
9. ker "оболочка, форма"	~ kip	~ сиб.тат. kip:kär	~ kar	~ kar, kär id.
10. ker-ek "шелуха, кохура"	~ kibek	~ kibäk:käväk	~ karak	~ karak, käväk id.
11. ker-en "стог, шалаш"	~ kiben "куча"	~ kibär:kävän "стог"	~ kaban	~ kavan, kävän id.
12. ker-ë "совет"	~ kiäs	~ kiräe: käräë	~ kanaë	~ kanaë, känäë
13. kemel "уровень"	~ -	~ kimäl:kamäl	~ kamal "сверстник"	~ -
14. ker "правда, прямо"	~ -	~ сиб.тат. "правдуш- ка"	~ kar "прямо, рез- ко"	~ kir, ker "правда"
15. "kerem	~ -	~ kiräm:käräm "веревка"	~ karäm "натяжка"	~ kerem, käräm "вере- вка"
16. ketmen "МОТЫГА, КЕТМЕНЬ"	~ -	~ kitmän:kätmän	~ katman	~ katman, kätmän id.
17. "karte	~ -	~ kirta:kärtä "ограда, препятст- вие"	~ karda	~ karta, kärtä id.
18. "keste	~ -	~ kiäta:käytä "полка, на- кат"	~ käytä "накат, группа"	~ käytä, kätä "пол- ка, группа"
19. "kes, kez	~ -	~ kie: käe, kät "борозда, дернина"	~ kav, käv "часть поля, борозда"	~ kez, käv "бороз- да, це- лина"

20.	*kee-en-ki ~ -	~ kišänki:käšänki ~ -	~ käžänğä
		"дёрн, бороз- да, ком"	"за- растать травой"
21.	mergen ~ mirgep "снайпер"	~ mirgän:märgän ~ -	~ margän, märgän id.
22.	seki ~ - "нары, возвы- шение"	~ sikí:sakí ~ sak id.	~ sağy, šägi "стул под кладь"
23.	tek ~ tik "ноль; пре- дел, безделье"	~ tik:täk ~ tak	~ tak, tāk id.
24.	teşgel ~ - "ступенька"	~ tişäl:tängäl "ступенька; уровень"	~ tankäl -tankyl, tängäl id.
25.	teren ~ tireş "глубокий"	~ tirän:tärän ~ tarañ id.	~ -
26.	öşeke ~ - "цветы"	~ öşäk:şäk öşkä:sökä	~ şeške id. ~ şäwka "завязь"

В таблицу не включены тат. и башк. слова, не имеющие а/ä параллелей (или вообще никаких параллелей) в чувашском или марийском: iriñ: ariñ "палка в ткацком станке"; igärçï: ägirji "закваска; кислое тесто", kiräk:käräk "надо", kisärtki:käšärtki "ящерица", kimä:kämä "лодка", mläw: mläw "рябина", miškaw: mäškaw "петля для ловли зверей", nimä:nämä "вещь", şirme-: şärmä- "нащупать", tiğäç: tiğäç "выточенная посуда; солонка" (1 - варианты некоторых из них заимствованы в чув. и мар. языке: чув. igerji "блин", kiräk "надо; хоть" и пр.). В свою очередь, не включены чув. и мар. слова, не имеющие ä - соответствий в татарском и башкирском: тат. birkä "старание" ~ чув. pirki

"благодаря", чув., мар. Л. parka, мар. Г. pākā "споро-
 рость"; тат. iβ "мера площади", чув. ana мар. Л. ада,
 мар. Г. āpā "участок поля; мера земли"; тат. öirü "войс-
 ко"; рой" ~ чув., мар. Л. var, мар. Г. vār "войско,
 война; оборона", тат. öirmä чув. v'arṁā "черемись" и
 пр. См. также общекрыпчакск. ceten, ceten "плетень" ~
 хак. viden ~ тат. öitän, öitän (ä - варианта нигде не за-
 фиксировано) ~ чув. v'adan, öicün ~ мар. v'atän, vätän,
 ceten, öitän, cesen, cütan "тын; плетень"; др. кыпчак.
 *keßerlik "полоса, прогон поля" ~ тат. kisärlik id.
 чув. kav'alak мар. kavalyk, kevalik id.

На основе вариативности ä ~ i ~ e ~ a, как и следо-
 вало ожидать, в языках Поволжья образовался ряд этимологи-
 ческих дублетов и триплетов, т.е. слов в разными значения-
 ми. Таких слов меньше в татарском и башкирском, и гораздо
 больше в чувашском: в тат. bir - "давать" и bär - "ударить";
 äiu "див" и äiw "великан, громадный" оба из перс. dev, dew
 "див" и пр.; в чув. aman- "увечиться" и imken-, imgen- "над-
 рываться"; amak "болезнь" и inkek, ingek "беда"; pat (pači)
 "окольность", близость к чему-, кому-либо" и pit "лицо"; var-
 la- "латать" и siple- "чинить"; tan "равный" и tin "только
 что; ровно" и т.п., причем во всех этих случаях i - соот-
 ветствия явно заимствованы из татарского /например, в выше-
 приведенных случаях imgen- < тат. imgän-, ingek < тат.
 imgäk id. id.; pit < тат. bit id.; siple- < тат. siplä-;
 tin < тат. диал. tiβ (ТТДС: 415) "ровно, только что"/.

Как видно из приведенных данных, значительное коли-
 чество слов (со значениями "охвостье", "хлеб", "суслик",
 "мера земли", "кислое тесто", "стог", "мякина", "борозда",
 "деряина", "часть поля", "ограждение", "стул под кладью")
 относится к понятиям оседлого земледелия. Это говорит о
 том, что ä- и i-языки обслуживали земледельческое населе-
 ние.

Интересно, что в татарском языке широкое распространение получили слова *ärbä* "мякина" и *väki* "прорубь" — обратные заимствования из марийского или из др. чувашского (древн. *äwiräk > булг. *äwra ~ баш. диал. *äwra* > мар. *ärgä* (*ärbä* > тат. *ärbä*; общетюркск. *äki* > булг. *wäki > мар. *äki* > тат. *väki*).

Из этих наблюдений выходит, что древние *ä*- и *i*-языки в Поволжье существовали долго и параллельно, и что *ä*-язык был в конце концов вытеснен, так что его некоторые рефлексы сохранились только в марийском.

Особую группу татарско-башкирских слов анализируемого типа составляют арабско-персидские заимствования: *äkalı*: *ikälı* "желудь" < перс., тадж. *häkaläk id.*; *käm*: *kim* "меньше, хуже" < перс. *käm id.*; *kärkir*: *kirkir* "думовка" < перс. *kätkgir* "пеносниматель"; *käramät*: *kiremet* "керемень" < араб. *käramät* "божья благодать"; *räki*: *piki*, *väki*: *vikı* "перочинный ножик" < перс. *räki id.*; *räri*: *piri* "пери, черт" < перс. *päri id.*; *säkil*: *šikil* "схема, изображение" < араб. *väkil id.*; *täräz*: *tiräz*, *täräzä*: *tiräzä* "окно" перс. *darıda id.* *färistä*: *firištä* "ангел" < перс. *färistä id.* и пр.

Сюда примыкает ряд слов в татарском и башкирском, у которых на месте араб. и персид. в первом слого развился *i*: *kilär* "моток" < перс. *kälävä id.*; *kilbät* "внешний вид" < перс. *kälbođ* "оболочка"; *äik* "сомнение" < араб. *äak id.* и пр. и несколько чувашских слов, у которых на месте персидского *ä* появляется *i*: *šimšev* "зеленый" < перс. *väv-zid*; *šinker* "крепость", "завал" < перс. *vängär* "вал, завал, крепость" (> ног. *venger* "окоп" и т.п.). Какой вывод можно сделать из этих данных? По нашему мнению, во-пер-

вых, то, что ä- и 1- языки (хотя и по отдельности, в разных местах) уже существовали ко времени установления тесных контактов между кыпчакскими и персоязычными народами. Во-вторых, по крайней мере, носители 1-языка соприкасались с мусульманскими народами не непосредственно, а через других кыпчаков, у которых звука ä не было: они арабско-перс. ä передавали посредством звука е, а этот е в 1-языке закономерно превращался (в первом слове) в 1. Но, как известно, народы Среднего Поволжья уже с IX века непосредственно входили в сношения с персами и арабами. Мусульманство требовало как можно более точного чтения звуков корана. Поэтому в Среднем Поволжье с самого начала, надо полагать, арабско-персидский ä произносили как ä, а не как е(э).

Отсюда следует, что 1-язык формировался не в Поволжье, а был пришлым. Он вначале развивался поблизости от тех мест, где ныне обитает хакасы.

Древнейшей кыпчакской народностью, до которой доходили отголоски мусульманской культуры, были кимаки (kimäk, kimek или jemek).

По историческим источникам хорошо известно, что они сначала обитали в Прииртыше, имели свой город, свою письменность и государственность, известно, что они в X века двинулись на запад, в XI веке завоевали Бугарию — Среднее Поволжье и стали кочевать по огромному маршруту Среднее Поволжье (летовка) — Семиречье (зимовка)⁸. Известно, что часть их осела в Среднем Поволжье и по всей вероятности, основанный в начале XI века Биляр (Bilär по-татарски, Piler, Piler по-чувашки) был именно их городом. Вероятно, на языке кимаков biglär означало "город наместников" (big,

beg, bäg) Булгарского (или своего) хана. Тюркский beg в ä- языке (см. ниже) должно было звучать как *baw, откуда, чув. bu, bu (в булгарских эпитафиях XIV века имеется 9) "владелец, правитель" и ruler из *Bawlar "город Билляр". Удмуртск. biger, bigär "татарин", очень возможно, восходит к названию города *Biglar ~ *Bilär.

7. Если звуки ä- и i- в первом слого характеризовали два отдельных звука, то вероятно, эти языки отличались и другими особенностями. Исходя из того, что отпечатков *ä- языка больше всего сохранилось в чувашском, можно предположить, что в чувашском же сохранились и другие особенности этого языка. Можно приписывать, например, все особенности чувашского языка за вычетом луговомарийских черт (оглушение начальных согласных, ударение на первом слоге, $\text{ʃ} > \text{v}$, $\text{w} > \text{v}$, $\text{v} > \text{ʃ}$, $\text{a} > \text{o}$, сам переход ä > a⁹) приписывать именно ä- языку. Однако такой подход был бы упрощением вопроса. Но во всем известным данным выходит, например, что ä- язык, по составу лексически будучи близким к кыпчакскому - языку, включал в себя явно не кыпчакские и даже не тюркские элементы. (ср. чув. par < *päg "железа" ~ общетюрк. bez, id).

Поскольку элементы структуры языка далеко не всегда жестко связаны между собой, бесспорной особенностью древнего ä- языка можно признать лишь такие, которые восстанавливаются в неразрывном сочетании с ä на основе данных чувашского языка и, кроме того, встречаются в таком же сочетании еще в каком-либо источнике. Данному требованию отвечает восстанавливаемый звук w (чув. v), поскольку в чувашском встречаются сочетания av, va, uva и т.п., имеющие параллели в других тюркских языках и диалектах, см. чув. av av "дом" ~ сиб. тат (барабинск.) aw id.; чув. sav- "лю-

бить" ~ мишарск. әйw- (тат. әй-)id . Следовательно, во всех случаях, когда в чувашском имеются сочетания әв, ва и т.п. и при этом известно, что а тут восходит к ä , мы уверенно восстанавливаем и w если даже и нет конкретных соответствующих параллелей в других источниках. Например, чув. авät "петь", несомненно, восходит к *awit- (древнетюрк. ot- "петь" имеет переднерядную огласовку.), а чув. кәvәк "синий" происходит от *kīwäk (общетюрк. kök "небо", синий"). Между тем, нигде в тюркских языках нет зафиксированных звучаний awit или kīwäk (вообще же превращения общетюрк. ѣ, ё, и в иэ и далее, в сочетании двух гласных с интервокальным w наблюдается в говоре мордвы — каратаев, а также в далеком якутском языке).

Итак, ä- язык средневекового и древнего Поволжья был и векающим. Сочетание йw на месте тат. и общетюрк. йj особенно характерно для арабинского говора сибирских татар (см. тат. и общекрыпчакский аффикс уподобления = daj / әnj, taʃ / tәj ~ бараб. daw / äw, taw / tәw) и, кроме того, у барабинского говора и чувашского языка имеются дистинктивные лексические изогласы, содержащие сочетание aw ~ йw , см. чув. в'и < в'äv < жәw, jәw "лето" ~ сиб. тат., барабинск. jәw id. (в других тюркских языках встречается лишь вариант с ауолаутным -j : jәj, jәj, jәj "лето"). В барабинском наречии в ряде случаев на месте тат. и хакасск. i выступает ä, соответствующий древнечувашскому ä, см. бараб. ar "мужчина", әt - "делать", рәг-, вәг- "давать" и т.п. На основе этих данных можно предположить, что ä- языку были свойственны и другие чувашско-барабинские общие особенности, например, сохранение аффикса сказуемости =t (=ty/ti, =ay/di) в первых двух лицах (наблюдается и в мишарском диалек-

те татарского языка, а также в ряде кыпчакских языков и диалектов)¹⁰ и т.п.

Естественно, при таких реконструкциях надо иметь в виду и то, что *ä*- язык мог быть многодиалектным. Или звук *ä* мог быть свойственным разным, но соседствующим языкам. Поэтому нельзя безоговорочно идентифицировать *ä*- язык с древнечувашским или болгарским, как нельзя равнять болгарский с древнечувашским.

Литература

1. См. И.Г. Добродомов. К этимологии марийского названия лошади. "Советское финно-угроведение", 1970, № 4, стр. 253—254.
2. См. Сепеев Г.А. Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975, стр. 21—28.
3. См. Булатов А.Б. Среднее Поволжье на трех картах мира, составленных в XIV—XV вв., венецианцами и испанцем. В сб.: История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1972, стр. 396—399.
4. Мокшин Н.Ф. Мордовское название чувашей. "Советское финно-угроведение", № 4, 1978, стр. 281—282.
5. См. Федотов М.Р. Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги. — "Советская тюркология", № 4, 1978, стр. 44—47.
6. См. Котлеев В.И. К фонетике общетюркской лексики в чувашском языке. В сб. "Проблемы исторической лексикологии чувашского языка". Чебоксары, 1980, стр. 54.
7. О тюркском происхождении данного слова, см. Гордеев Ф.И. К истории этнонима черемис. — "Вопросы диалектологии и истории марийского языка", Йошкар-Ола, 1964, стр. 207—213.
8. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 132. Кумеков В.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

9. См. Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965, стр. 110—115.
10. См. Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Ареальная лингвистика и проблема восстановления некоторых черт исчезнувших языков. "Советская тюркология", № 3, 1979.